

Михаил Петрович Арцыбашев

**Роман маленькой
женщины**

Михаил Арцыбашев

Роман маленькой женщины

«Public Domain»

1905

Арцыбашев М. П.

Роман маленькой женщины / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1905

«Торопливо ходили чиновники с бумагами и озабоченным видом; сторож величественно разносил крепкий холодный чай; пишущие машинки трещали так, точно целые десятки маленьких молоточков наперебой, азартно ковали крохотные подковки, и каждый день Елена Николаевна со стремительной быстротой выстукивала ловкими гибкими пальцами...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Михаил Петрович Арцыбашев

Роман маленькой женщины

I

Торопливо ходили чиновники с бумагами и озабоченным видом; сторож величественно разносил крепкий холодный чай; пишущие машинки трещали так, точно целые десятки маленьких молоточков наперебой, азартно ковали крохотные подковки, и каждый день Елена Николаевна со стремительной быстротой выстукивала ловкими гибкими пальцами:

«Согласно отношению господина управляющего Чирковской транспортной конторы, имеем честь препроводить копию с кассационной жалобы грузовладельца Исаака Абрамовича Киришнера...»

Длинный белый лист как живой все больше и больше выползал из цепких лапок машинки, и когда бумага, колыхнувшись, загнулась назад, Елена Николаевна выпрямила опустившиеся от усталости слабые плечи и, взглянув прямо перед собою в окно, задумалась.

За мутным стеклом тоненько тянулись вверх три березки, а за ними высилась, казалось, до самого неба серая стена рояльной фабрики. Словно черные коленчатые змеи, ползли по ней ржавые железные трубы.

День был солнечный, и в палисаднике было светло и красиво. Той особенно трогательной, болезненно-робкой и хрупкой красотой, которая почти грустно чувствуется только в больших городах, в жалких садиках и сквериках, этих клочках природы, затерянных среди каменных стен, мостовых и грохота уличного шума.

На тоненьких красных прутиках рябили наивные почки с белым детским пушком. Сухие прошлогодние листья, как траурная кайма лежавшие вдоль стен и дорожек, приподымались колкими иглами новой травы, зеленой, как изумруд. На сырых дорожках отчетливо печатались чванливо-фигурные следы вороньих и галочьих лапок. Стволы березок были свежи и чисты, точно кто-то только что умыл их студеной водой из талого хрупкого снега. У самой стены, в углу, как бы притаившись от всего света, еще стоял запыленный, насквозь ноздреватый сугроб. Солнце светило прямо на него, и снег исчезал на глазах, пуская чуть заметный дрожащий парок.

Неба не было видно из окна, но, должно быть, оно было чисто и голубело так, что все тени казались легкими и голубоватыми. Порой на палисадник налетали смеющиеся пятна и, быстро подымаясь по стене фабрики, исчезали где-то вверху, давая знать, что высоко над городом, в голубеющем просторе, точно паруса далеких счастливых кораблей, проплывают весенние облака.

В отворенную форточку вливался густой сочный воздух и до самого сердца проникал неопределенной, радостно-грустной истомой. Елена Николаевна сидела неподвижно, и на ее осунувшемся личике задумчиво светились большие, слегка оттушеванные бледностью глаза. Она забыла о срочной работе, о черновике присяжного поверенного Хлудекова, а между тем думала именно о нем, и перед ее остановившимися глазами стояло лицо высокого холеного блондина с подстриженной бородой и слегка капризными, чувственными губами. Она даже как будто слышала его уверенный, подавлявший неуловимым оттенком презрительной иронии голос, в котором так ярко и мягко вспыхивали особые нотки, когда он говорил с Еленой Николаевной. Передавая ей свои бумаги, он всегда переходил в тон фамильярно-дружеской шутки и тепло и загадочно смотрел в глаза, на мгновение задерживая ее маленькую руку в своей холеной ладони. И когда глаза его становились особенно проникновенно задушевные, Хлудеков всегда говорил, капризно растягивая слова:

– Ску-чно, Елена Николаевна!.. Как это вы можете удовлетворяться такой жизнью?.. Не понимаю я вас... Неужели вам не хочется иногда выскочить из колеи, поступить по-своему, хотя бы всем наперекор...

В его прищуренных зрачках мелькал темный огонек, напоминавший взгляд охотника, когда он уже близко видит преследуемую им дичь. И Елена Николаевна до конца понимала его мысли и желания, которых он не смел высказать. И было ей стыдно и приятно. Эти смутные намеки волновали ее и иногда бессознательно досадовали, как будто ей хотелось, чтобы он не хитрил, не говорил высоких слов, а сказал прямо, чего ему нужно. В ее гибком, стройном теле двадцатилетней девушки как будто жило два чувства: одно чего-то требовало, другое стихийно и гадливо возмущалось. Но иногда Хлудеков загадочно прибавлял:

– Впрочем, вы, вероятно, недолго засидитесь у нас!..

Девушке становилось просто грустно: Хлудеков говорил это без насмешки, но он прекрасно должен был знать, что Елена Николаевна сидит тут «у нас» уже семь лет. Тонкий страх покалывает в сердце девушки, когда она видит в зеркале, что кожа в уголках глаз потеряла прежний блеск и тихо вянет, напоминая последнюю нежность осенних лепестков. И вообще это медленно-осторожное увядание чувствовалось во всем: реже хотелось смеяться, чаще задумываться и даже плакать без причины. Иногда находило такое апатичное чувство, что не хотелось никого видеть, и, закутавшись в большой платок, девушка могла по целым часам сидеть у окна, большими остановившимися глазами глядя в сад или на вечернее небо, тихо догоравшее за темными крышами города.

Еще так недавно каждый человек интересовал ее, как игрушка, а теперь из всех знакомых только два-три могли хоть сколько-нибудь занять, а с остальными было скучно и досадно. На пикниках и прогулках она могла молчать и быть одинокой среди самого бурного веселья, шума и беготни.

И теперь, глядя в палисадник, Елена Николаевна думала о том же, и ей было больно-больно. Хотелось плакать крупными, тихими слезами. Страшно было жаль чего-то и неизвестно чего. Должно быть, того, что могло быть в жизни и не было. Она знала, что это – любовь, но какая любовь, не могла бы ответить. Воображение рисовало ей счастье только до тех пор, пока мечта была безразлична. Тогда любовь казалась радостной и красивой, как праздник, но как только из тумана выдвигалось определенное мужское лицо и начинало улыбаться ей с выражением откровенной и бесстыдной мысли, праздничные огни погасали и как чад, клубами подымалась одна пошлость, животный акт, грубый и безобразный, как грязное белье.

Елена Николаевна давно знала, что именно составляет главное в любви мужчины и женщины, и когда на мгновение, стыдливо, уголком мысли, представляла себе свое голое тело и возбужденное лицо мужчины, ей делалось так мучительно противно и стыдно, что хотелось спрятаться, убежать, закрыться с головой и никого не видеть, не слышать.

– А между тем так и есть!.. Все так живут!.. Именно это и есть любовь! – с болезненным недоумением говорила она себе. – Но в чем же тут красота... Зачем это?

И иногда ей казалось, что тут какая-то ошибка. И эта ошибка как-то сливалась в одно с теми мужчинами, в обществе которых ей приходилось жить.

Отчего так ясно представляется, как каждый из них подойдет, какими словами будет говорить о своих чувствах, как будет целовать и что будет дальше?.. Хоть бы какая-нибудь загадка... Какой-нибудь туман, чтобы хоть не так грубо выпячивалась... эта гадость!

Лицо Елены Николаевны мучительно сжималось, и она с тоской смотрела в палисадник, чувствуя острое желание чего-то и не видя ничего, похожего на то, что смутно просилось на свободу из ее светлых больших глаз, мягких волос, гибкого, с покатыми плечами и стройными бедрами, тела, точно выточенных рук с маленькими нежными пальцами.

– О чем вы все мечтаете? – спросил ее знакомый, слегка иронический, но вкрадчивый голос.

Елена Николаевна вздрогнула и обернулась, краснея до ушей, маленьких и чутких, прячущихся в пушистых волосах, как зайчики.

Перед нею стоял Хлудеков и смеялся, чуть-чуть маслянистым блеском отливая в прищуренных глазах.

– Ах, простите, ради Бога... Я еще не кончила! – виновато проговорила Елена Николаевна.

Хлудеков притворно нахмурился.

– А, вот как!.. Штраф!.. Ничего, ничего... мне не к спеху! – засмеялся он одними глазами и отошел.

Но по тому, как нерешительно он двигался и как затрудненно оглядывался вокруг, Елена Николаевна поняла, что бумага была спешная, и он теперь не знает, как быть. Минутку Хлудеков как будто колебался, потом заглянул в какую-то книгу, перевернул две-три страницы, положил и решительно скрылся в своем кабинете.

Несколько пар глаз наблюдали за ним, и Елена Николаевна чувствовала это. Она знала, что другим досталось бы за неаккуратность и что эти другие хорошо понимают, отчего такая странная мягкость и снисходительность у всегда холодного и взыскательного Хлудекова. Стало мучительно стыдно: Елене Николаевне на мгновение показалось, что она – совсем голая и что все эти завистливые взгляды критически осматривают ее обнаженное тело, соображая, достойно ли оно принадлежать Хлудекову и скоро ли будет принадлежать. И, потупив голову, под тяжестью беспомощного стыда, Елена Николаевна вся склонилась над бумагой, торопливо щелкая клавишами и ошибаясь. Щеки у нее горели, и в глазах против воли стояли слезы оскорбления и отвращения к Хлудекову, ко всем окружающим, грязно думающим людям, и даже к себе самой, как будто в чем-то виноватой.

Но к тому времени, когда бумага была готова, она успокоилась и другое появилось в ней.

– Вот. Извините, ради Бога, Виктор Владимирович, – заговорила она, входя в кабинет Хлудекова, и голос ее звучал легко и кокетливо. Даже каблучки постукивали как-то особенно, точно играя. Она чувствовала свое обаяние над этим капризным, избалованным человеком, и оно будило дерзкое чувство. Хотелось сесть к нему на стол, швырнуть перчатки на деловые бумаги и, играя носком ботинка, насмешливо смотреть и на обалдевшего Хлудекова, и на тех, кто через открытую дверь завистливо наблюдал за нею.

Только все-таки противное, унижительное ощущение обнаженности ползало под взглядом Хлудекова по всему телу маленькой женщины.

II

Играла музыка, и вереница людей, с говором, шорохом платьев и смехом, двигалась перед музыкальной эстрадой. Вечер был лунный, и где-то высоко над деревьями и фонарями стояла луна. Но ее не было заметно: фонари блестели ярче и возбужденнее.

Елена Николаевна тихонько двигалась по течению толпы, и рядом с нею молчаливо, одним плечом вперед, чтобы не задевать встречных дам, шагал длинный офицер, с унылым и безнадежно влюбленным лицом.

– Скучно! – капризно говорила девушка. – Хоть бы что-нибудь рассказали... Что вы все молчите?

Длинный офицер весь задвигался и беспомощно оглянулся по сторонам.

– Да что-то сегодня никого не видно... – проговорил он, радуясь своей редкой находчивости.

Елена Николаевна рассердилась с беспричинным и жестоким женским деспотизмом.

– А вы думаете, что мне непременно кого-нибудь надо? А вы-то сами?

– Я, Елена Николаевна, ей-богу... – смущенно пробормотал офицер.

– Ей-богу! – с досадой передразнила девушка. – Ну, расскажите что-нибудь... Ну... ну, были ли вы влюблены когда-нибудь?

В голосе Елены Николаевны прозвучала тоска: она заранее знала ответ.

– Я?... Я и теперь влюблен, Елена Николаевна... Вы же сами знаете...

– Ну да, знаю, знаю и еще раз – знаю!.. Я не об этом хочу... А раньше?... Ну, в первый раз?

Офицер мучительно покраснел и даже запутался в полах своей длинной кавалерийской шинели.

– Первый раз?

– Ну да...

– Первый раз, право, не помню... То есть, – заторопился он, перехватив капризное движение девушки, первый раз... конечно... Я первый раз, Елена Николаевна, был влюблен в горничную... – с мужеством отчаяния закончил он, и все его красное лицо сразу облилось потом.

Елена Николаевна с гадливым любопытством посмотрела на него.

– Разве? – закусив губы и шевельнув бровями, процедила она. – Не много же чести быть любимой вами!

Девушка нехорошо засмеялась, и глаза ее стали злыми.

Офицер обомлел. На его неумном, совсем беспомощном лице, на котором нелепо торчали светлые распущенные усы, отразилась кроткая, горькая обида.

– Сядемте... Мне надоело метаться, как маятник... – коротко сказала девушка, глядя в сторону.

Скамейка была в самом конце сада, где почти не было гуляющих, деревья редели, как на опушке леса, и луна светло стояла над их тонкими верхними ветками. Елена Николаевна сидела утомленно, и капризная скука сквозила во всех движениях ее хорошенькой фигурки, нервно постукивающей по земле кончиком ботинка. Офицер сидел прямо, как жердь, поджав под скамейку длинные ноги в лакированных сапогах.

– Ну, – сердито протянула Елена Николаевна.

– А второй раз я был влюблен... – вдруг точно от толчка выпалил офицер.

– В кухарку? – насмешливо закончила девушка и опять нехорошо засмеялась.

– Н... нет... Зачем в кухарку? – удивленно переспросил офицер.

– Да уж так... для полноты переживаний! – зло ответила Елена Николаевна.

– Нет, Елена Николаевна... не в кухарку...

Что-то такое прозвучало в его лихом ответе, что девушка почувствовала легкое угрызение совести и поглядела на его унылую нелепую фигуру серьезнее и мягче.

– А в кого же?

– Видите ли... Я тогда жил в уездном городе... далеко отсюда... И там была одна барышня... Лиза Чумакова... Она только что окончила гимназию, и... и я страшно любил ее!.. Верите, это в романах так говорится, но я за нее пошел бы в огонь и воду!

– Что ж, она красивая была?

– Я не знаю... По-моему – удивительно красивая!

– Лучше меня? – кокетливо спросила девушка. Офицер не ответил. По его длинному бесцветному лицу скользнула тень.

– Ну?

– Что ж... Елена Николаевна... Об этом говорить не надо! – пробормотал офицер с мучительной гримасой.

– Как не надо? Значит, вы находите меня хуже? – жестоко настаивала девушка.

– Нет... как вам не стыдно!.. Вы... конечно... гораздо красивее... – с болью проговорил офицер и потупился.

И почему-то Елене Николаевне стало бесконечно жаль его и стыдно своей легкомысленной жестокости.

– Я пошутила... Простите, Иван Кириллович!

Она тихонько дотронулась до его большой грубоватой руки. Офицер светло и умиленно улыбнулся.

– Я не сержусь! Разве я могу на вас сердиться? – с теплой дрожью в голосе воскликнул он. – Хотите, я вам все расскажу... Хотя я никогда никому не рассказывал...

Елена Николаевна пригрела его глазами и сама почувствовала, как распускается убогая душа этого нелепого офицера под ее ласковым взглядом. Музыка вдали играла тихо, вокруг никого не было, и луна казалась совсем близкою. Полная и ясная.

Офицер рассказывал очень тихо и грустно. Совсем не таким голосом, как всегда. Чувствовалась в нем какая-то большая, чистая и открытая печаль.

– Я влюбился в Лизочку, еще когда она была гимназисткой, а я корнетом... А когда она стала уже совсем взрослой девушкой, я, знаете, Елена Николаевна, уже не видел никого, кроме нее. Она была такая милая, красивая, полная... то есть добрая... Любила очень детей, сад, свой старый дом, а ко мне относилась удивительно! В ее присутствии я становился другим человеком, ничего не позволял себе не только сделать дурного, но даже подумать!.. Знаете, с другими как-то так, а с нею как будто даже выше ростом становился... и в то же время чувствовал себя так, точно маленький мальчик возле матери!.. В ней было все мое счастье, и другого я не желал бы никогда... Только, конечно, я не умен и не образован... заинтересовать ее собою я, конечно, не мог, так как... Но я не знаю... мне только кажется, что все-таки со мною она могла бы быть счастлива. Я бы... Ах, Елена Николаевна!.. Разве я виноват, что не студент, не писатель там, а простой офицер?.. Разве без этого нельзя?.. А ведь как я любил бы ее!.. Для меня она была все!.. Ну, потом она уехала на курсы и под влиянием некоторых лиц из своей компании простилась со мной очень... нехорошо... Кажется, над ней смеялись, что она влюблена в простого офицера... По крайней мере, последнее время она как будто стала избегать меня и даже стыдиться... Не наедине, знаете, а при других. Что ж, может быть, они и правы были, не знаю... Может быть, и действительно это смешно, что простой, необразованный офицер смеет любить... а впрочем, не знаю!.. Она уехала, а я остался в городке. И хотел я тогда застрелиться... Пошел уже взять револьвер – он у меня в кармане шинели был, – и вдруг пришла мне в голову мысль: может быть, ей там будет нехорошо, и я чем-нибудь могу помочь ей, хотя бы незаметно как-нибудь... Ну, я и раздумал, только ударился головой в шинель, которая на стене висела, и все говорил: «Лиза, Лизочка!..» Вы не будете смеяться, Елена Николаевна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.